

ИНОГДА ОДИН НЕВЕРНЫЙ ФОКУС
МЕНЯЕТ ВСЮ ЖИЗНЬ

ФОКУСНОЕ РАССТОЯНИЕ

МИХАИЛ СЕВЕРИН

Михаил Северин

Фокусное расстояние

«Автор»

2026

Северин М.

Фокусное расстояние / М. Северин — «Автор», 2026

Он приехал в Мюнхен с деньгами, профессией и полной уверенностью, что возьмёт этот город за одно лето. Дело пошло, двери открылись и стал снимать там, где работают люди, чьи имена знает весь мир. Именно там, на площадке рядом с настоящим гением, он спокойно понял про себя правду, которую до того обходил: он превосходный мастеровой, и не более того. А потом ведомство, никогда его ни в чём не обвинявшее, отказало ему в праве жить в стране. Без причины, без формулировки, без права на обжалование — с той безукоризненной вежливостью, против которой нечего возразить. Спасли его связи жены, и способ спасения оказался хуже угрозы: спасали не человека, а собственность своего круга. Он уехал сам. Без скандала, без дележа, забрав единственное, что принадлежало ему по-настоящему, — кофры с объективами. Роман о том, чего стоит вход в чужой мир, который тебя не гонит и не оскорбляет, а просто не предусматривает. И о том, что находит человек, когда наконец наводит фокус на себя.

© Северин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Северин

Фокусное расстояние

Глава 1

К полудню на Мариенплац сделалось тридцать четыре в тени, и прохожие сообщали об этом друг другу с таким видом, будто до вчерашнего дня о существовании лета в здешних краях не подозревали.

Крайний стол под каштанами пустовал, наполовину выехав на солнце. Дубовую доску выскоблили добела, она ещё пахла мокрой тряпкой, от прилавка несло брецелем, крупной солью и сладковатой горчицей, а надо всем висел ровный сытый гул, из которого не выпрыгивало ни одного тревожного звука.

— Grüß Gott!

Краснолицый детина в потёртых кожаных штанах на подтяжках вырос сбоку, и рукава белой рубахи трещали на его бицепсах. Шесть литровых кружек висели у него в левой руке так, будто налили в них воздух.

— Bitte schön. Die Speisekarte.

Карта в тиснёной коже весила как хорошая телефонная книга. Дома за такую вещь отдали бы половину месячной, завели бы под неё отдельную полку и показывали гостям, а тут по ней возили мокрым донышком.

Строчки шли под номерами, в две колонки, мелкой готикой. Светлое, тёмное, пшеничное светлое и пшеничное тёмное отдельными позициями, нефiltroванное, мартовское, майское, козье, двойное, монастырское трёх изводов, копчёное с буковым дымом. Дальше начинались сезонные, за ними бельгийцы и чехи, а под конец такие, про которые подпись сообщала, что варят их в одной обители и разливают раз в году.

Читать названия стало бессмысленно, и глаз побежал по цифрам слева, поскольку цифры хотя бы шли подряд. Сорок, восемьдесят шесть, сто двадцать четыре, и последняя строка на последней странице имела номер сто семьдесят.

На Восточной, в двух трамвайных остановках от студии, цистерну подавали по вторникам и четвергам, очередь занимали с половины восьмого, и вопрос, какого сорта нынче привезли, прозвучал бы там издевательством над людьми. Спорили о другом — разбавили сегодня или пожалели, — определяли на глаз, по тому, как ложится пена, и однажды из-за пены сцепились двое взрослых мужиков с высшим образованием, причём бидон опрокинулся и в выигрыше не остался ни один.

А в Баварии кто-то сел, свёл всё в реестр, пронумеровал, отдал в типографию и обтянул кожей, и лежала теперь кожаная книга перед сытыми людьми, как расписание поездов перед теми, кому куда не надо. За соседними столами в неё не заглянули.

Пот шёл по хребту непрерывно, рубаха липла к лопаткам, пуговицы полетели одна за другой, и золотой крест на цепи вывалился наружу и звякнул о столешницу.

Куплен он был в девяносто первом у Славика Дудина, державшего в подвале на Малышева пункт приёма цветного металла и по совместительству всё остальное. Цепь потянула восемьдесят граммов, крест сорок, и Славик, покачивая товар на ладони, объяснял его назначение — чтобы человек, встретив тебя вечером в подворотне, за секунду сообразил, стоит ли начинать. Полтора года устройство работало безотказно. В биргартене оно не значило ничего.

Старик за соседним столом, в суконном пиджаке, застёгнутом по такой жаре на все пуговицы, снимал шкурку с белой сосиски — вёл ножом вдоль, поддевал край, отворачивал, — и движение было отработано тысяч десять раз, а импровизировать на одиннадцатой тысяче он

не собирался. Жена его с уложенной седой буклей промокала губы крахмальной салфеткой перед тем, как поднести вилку, а не после.

Взгляды у обоих оказались спокойные, водянисто-голубые, и прошли они по распахнутой рубашке, по золоту на мокрой коже, по всей этой анатомической выставке без малейшего возмущения. Бровь у старика поднялась на полмиллиметра и вернулась, резать он не перестал. Дома с подобного взгляда начинался разговор, а иногда и кое-что покрупнее, — в Мюнхене он не означал решительно ничего.

Ближе к кухне стоял стол на дюжину мест, и над ним висела на кованом кронштейне деревянная табличка с выжженным словом. Стол был пуст. Пуст он был с утра, оставался пустым в самую жару, когда люди толклись у прилавка и высматривали свободное место, и никому не пришло в голову к нему подсесть. Часам к двум за него начали собираться пожилые мужчины поодиночке, здороваться с каждым за руку и рассаживаться в неизменном порядке — каждый на своё. Пришедший последним оказался самым старым, сел в торце, и лишь тогда детина двинулся к ним с подносом, ничего не спрашивая.

Дома его называли бы бластным, и заняли бы его в первые же двадцать минут после открытия. Табличка помогала бы ровно до первой компании, которая читать не умеет и умеет всё остальное.

Тут же, рядом, обедала бригада со стройки — четверо в задубевших от цемента брюках, с бурыми руками, с касками, сложенными горкой на скамье. Они взяли по литру и по паре сосисок, ели молча и быстро, и обслужили их с тем же лицом, с каким обслуживал стариков за столом с табличкой и старика в суконном пиджаке. Никакой разницы в лице у него не обнаружилось, и ничего удивительнее за первую половину дня не случилось.

Женщина в льняном платье выкатила в проход коляску, поглядела на верхушки деревьев, прикинула что-то в уме и передвинула её на полтора метра левее, туда, где тень будет через час. Потом села, развернула бутерброд, достала книжку и устроилась основательно, как устраиваются люди, которым сегодня некуда идти и незачем спешить.

Сосед в кожаных штанах вытащил из плетёной корзины белую редьку, насадил её на короткий стержень и стал крутить, срезая спираль одним лезвием, не отрывая его, и лента выходила всё длиннее, пока не легла на тарелку кольцами. Посолил густо, придавил ладонью, чтобы дала сок, и вся работа заняла у него минуты три, с сосредоточенностью человека, который знает, что второй редьки в корзине нет.

Он поднял голову, кивнул на распахнутый ворот и сказал:

— Heiß, ja?

Согласиться было нетрудно, и на этом всё кончилось — без выяснения, откуда, надолго ли и кем работаешь. Дома за таким вопросом немедленно последовало бы остальное — как звать, чей будешь, не выпьешь ли, а если не выпьешь, то почему. Сосед же спросил про жару, получил ответ про жару и счёл знакомство состоявшимся.

— Entschuldigung, haben Sie schon gewählt?

Официант стоял с блокнотом и ждал, никого не торопя, ничем не советуя и не заглядывая в карту из-за плеча, всей своей неподвижностью выражая готовность принять любой из ста семидесяти ответов, включая заведомо дурацкий.

Копчёное с буковым дымом значилось под номером девяносто один, и палец дошёл до строчки сам. Дальше следовало произнести Rauchbier вслух — с уральским выговором, человеку, который варит, разливает и пьёт его всю жизнь, — и получить вежливый переспрос, за ним второй, а за вторым сочувственное лицо.

— Ein Helles, bitte. — Голос прозвучал хрипло, но твёрдо. Самое простое, светлое.

Карандаш черкнул палочку, официант кивнул и растворился в толпе с тем же выражением, с каким принял бы и сто семидесятый номер.

Литр появился минуту спустя. Стекло толстое, в пупырышках, запотело сразу, пена держала форму и садиться не думала, а первый глоток смысл с нёба уличную пыль ледяной горечью — чистой, без спирта, без мыльной кислоты с привкусом ржавой трубы, к которой дома притерпелись, как терпят климат.

Восемь марок пятьдесят.

По курсу выходило около четырёх с половиной долларов. Столько же составляло месячное жалованье Нины Петровны из фильмофонда — женщины шестидесяти двух лет, в вязаной кофте поверх халата, которая выдавала плёнку под расписку, вела амбарную книгу с тремя графами и не отпускала ни метра сверх лимита даже директору картины. В девяносто втором лимита не стало вместе с плёнкой. Снимать было нечем, вся студия сидела и ждала поставки, которую обещали к осени, а потом к весне, и однажды Нина Петровна вынесла в хозяйственной сумке двенадцать метров срезанной «Свемы» — срезкой они значились по документам, а по существу были обрезки от чужого заказа. Расписки она за них не взяла. Сказала только, чтобы не проявляли на студии, и пошла обратно в свою кладовку, где стояли жестянки, пронумерованные её собственным почерком.

Правая рука согнулась сама, большой палец лёг на кольцо, которого не было, левая ушла под несуществующий объектив, и биргартен послушно распался на кадры. Свет валился сквозь листву пятнами и лежал на лицах кусками, выхватывая скулу, заваливая глазницу в тень, вытаскивая из полумрака одну кисть с ножом и оставляя всё прочее чёрным. Старик с сосиской был готовым портретом из тех, что делают один раз и потом всю жизнь показывают, а краснолицый с шестью кружками шёл репортажем на разворот, и оставалось поймать шаг в верхней точке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.